

18 июля 1962

„Я БЫ СТАВИЛ АРТИСТУ ПАМЯТНИК“

Сегодня мы публикуем отрывок из книги воспоминаний И. Нежного «Было перед глазами», выпускаемой издательством Всесоюзского театрального общества. В ней автор рассказывает о встрече Вл. И. Немировича-Данченко с В. И. Анджапаридзе зимой 1942 года. В настоящее время замечательная актриса вместе с Грузинским театром имени К. Марджанишвили находится на гастролях в Москве.

ОЧЕНЬ интересная встреча была у Немировича-Данченко с Верико Анджапаридзе — актрисой театра имени К. Марджанишвили. Владимир Иванович вместе с Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой посмотрел в этом театре «Даму с камелиями» и был восхищен Маргаритой — Анджапаридзе. Сразу после спектакля ему почему-то не удалось повидать актрису и поговорить с ней. Но он непременно хотел высказать Верико Анджапаридзе свое впечатление от ее игры, создаваемого ею образа и попросил меня пригласить артистку на другой день к нам домой.

Верико Ивлиановна, разумеется, тут же пришла. Ее очень взволновало и тронуло внимание Немировича-Данченко. Он встретил ее необычайно радушно, усадил в удобное кресло и, увидев в глазах артистки смущение, напряженное ожидание, рассмеялся:

— Я знаю, вы думаете, что я что-то особенное вам скажу, чего вы еще о себе не знаете. А я вот сам смущен и не знаю, с чего начать.

Владимир Иванович помолчал немного и уже совершенно серьезно добавил:

— Я понимаю, что значит такой разговор с актрисой, и буду говорить вам только то, что меня, как зрителя, взволновало на вашем спектакле. Знаете что, — Немирович-Данченко прищурился, — я буду вашим зеркалом и постараюсь отразить ваш портрет в Маргарите...

Верико Анджапаридзе и я, присутствовавший при этом разговоре, превратились в слух.

Владимир Иванович начал с рассказа о своей Камелии (так он называл Маргариту Готье), о том, каким сложился ее образ в его воображении.

— Французский экземпляр романа Дюма, — сказал он, — одна из моих настоящих книг. Она чудесно написана, прекрасным языком, и я к ней обращаюсь, когда начинаю забывать хороший французский язык. Однако сюжета романа во всех деталях я не помню сей-

час. Образ же Камелии у меня связан с тем, как она ездил в экипаже. Я вижу, как она сидит, слегка наклонив свой стан вперед, мило кивая головой знакомым. На ее тонком, будто просвечивающемся изнутри лице сдержанная улыбка.

И вот я сравниваю эту мою Камелию с вашей... Она чуть выше вас, совсем мало, на мизинец. У нее такое же прозрачное лицо с легким румянцем, как у вас. Таким же бесконечным очарованием восторгает от нее, как от вас. Только глаза моей Камелии более скрывают ее настроения, чем ваши глаза, и таких тяжелых век у нее нет...

Немирович-Данченко прикрыл на несколько секунд глаза, как бы вспоминая вчерашний спектакль, и продолжал:

— Моя Камелия менее темпераментна, менее подвижна. Мне кажется, что она и в любви более сдержанна.

Руки у моей Камелии хуже ваших. Ваши так выразительны — временами от них не оторвешься! И голос у вас как будто создан для Маргариты. Я видел в Венеции, как плетут кружева, — это так легко, грациозно и вместе с тем очень трудно. Почему-то мне вспомнились эти кружевницы, когда я слушал вас. Мне все время казалось, что ваш грузинский язык другой, чем у всех. Такое впечатление, наверное, от изумительных красок в интонациях вашего голоса...

Верико Ивлиановна смущалась все больше и больше. Она не произносила ни слова. Немирович-Данченко понял ее состояние и пришел ей на помощь.

— Верико, дорогая, — как-то удивительно просто и задушевно сказал он, взглянув Анджапаридзе в глаза и взяв ее руку в свою, — вы напрасно смущаетесь. Я говорю только правду, и еще так много хочется вам сказать. Мне кажется, я еще ничего не сказал вам, — и Владимир Иванович снова увлекся своими впечатлениями от спектакля, от образа Маргариты Готье, созданного Верико Анджапаридзе.

— До третьего акта, — признался он, — рядом с вашей Маргаритой маячила моя Камелия, но в третьем акте я ее утерял, осталась одна ваша, моя поблекла.

Немирович-Данченко задумался.

— Многих Камелий я видел, — сказал он после паузы. — Две из них были замечательные. И вот на старости лет я увидел вас и сравниваю с теми двумя Камелиями — Элеоноры Дузе и Сары Бернар. Вы ближе к Дузе. У меня даже было такое ощущение, что вы видели Дузе, — не читали о ней, а именно видели ее. Но в последнем акте я понял, что это не так. Я покажу сейчас, как прощалась с Арманом Дузе.

Владимир Иванович встал, глаза у него заблестели. Весь преобразившись, он вытянул вперед руки и по-французски произнес несколько фраз — негромко, печально. Это было так неожиданно, так трогательно, что я почувствовал, как что-то сжимает мне горло. Взглянув на Верико Анджапаридзе, я увидел, что и у нее глаза наполнились слезами. Немирович-Данченко вдруг перешел на скороговорку. Голос у него стал звонким, высоким.

— Это Сара, — пояснил он. — Бернар говорила по-французски так, что ее можно было записывать по нотам.

Владимир Иванович сказал, что Сара Бернар ему нравилась, но никогда не увлекала. А вот Дузе потрясала, но только местами. У нее были поразительные куски в каждой роли, в том числе и в Маргарите Готье.

— И вдруг здесь, в Тифлисе, я неожиданно увидел вас — такую Камелию, — снова вернулся Владимир Иванович к образу, созданному Анджапаридзе. — Последний акт — это неповторимо. Вы же не видите себя. Если бы вы знали, как вы становитесь некрасивы, когда плачете у окна. Но как бы вам позавидовала Сара, которая в этом месте была пленительно красива!

Я впервые вижу, чтобы актриса разрешила так болеть своей Камелий, как это сделали вы, Верико. Вы теряете голос, постепенно хрипите, и, когда в конце в этом хриплом голосе слышится сплошное рыдание, это потрясает...

Но вот скоро Камелия должна умереть. Как я боялся, чтобы в этой сцене вы не разбили всего созданного вами за целый вечер! Я даже сказал об этом Ольге Леонардовне. Но ваша Камелия умерла так, что я даже не заметил, — она затихла, уснула, и все. Как это верно!.. Да, дорогая Верико, — закончил Немирович-Данченко, — за две-три так сыгранные роли я бы ставил артисту памятник.

Уже провожая Анджапаридзе, Владимир Иванович спросил актрису, какую бы следующую роль хотела она сыграть.

— Нет, нет, не говорите, — предварил он ее ответ, — я сам за вас скажу: Клеопатру. Угадал?

Верико Анджапаридзе утвердительно кивнула.

— Да, конечно, я вас понимаю, — сказал Немирович-Данченко, — это безусловно ваша роль. Но мне бы хотелось еще, чтобы вы сыграли леди Макбет...

Одну из этих ролей — Клеопатру — Верико Анджапаридзе впоследствии действительно сыграла.

Игорь НЕЖНЫЙ.

«Советская культура», 14 июля 1962 г.